

На площади с фонтаном в Университете А по-прежнему было шумно и многолюдно.

Тётя Хуэй так и не появилась. Место, где она обычно стояла, теперь занял перекупщик подержанных книг. Он расстелил на её участке кусок пластика, а рядом выставил табличку, на которой красным маркером было старательно выведено: «Скупаю старые книги».

Сезон выпусков был в самом разгаре. Четверокурсники спешили избавиться от хлама и лишней литературы в общежитиях, поэтому каждый год в это время у ворот университета собирались толпы старьёвщиков.

Учебниками в вузах пользовались нечасто, и зачастую к концу семестра они выглядели как новые. Перекупщики забирали их по цене от двух до пяти юаней, чтобы через пару месяцев, когда начнётся новый семестр, перепродать первокурсникам в два-три раза дороже.

В Университете А запрещалось занимать места даже в учебных залах, не говоря уже о пустырях на улице. Но когда Ли Жун увидел незнакомца на привычном месте, в его душе поднялась глухая волна негодования.

Он слегка потёр ладони и, глубоко вздохнув, направился в сторону охраны университета.

Служба безопасности располагалась в укромном уголке к юго-востоку от площади, в старом кирпичном домике. Снаружи здание выглядело так, будто пережило не одну эпоху: потемневшие от времени стены казались настолько ветхими, что могли рухнуть от любого толчка. Однако внутри отделка была вполне современной. Будучи учебным заведением с вековой историей, Университет А бережно относился к своему архитектурному облику, предпочитая ежегодно латать исторические постройки, нежели сносить их ради новостроя.

Стены домика были густо оплетены диким виноградом. Лозы, извиваясь, цеплялись за трещины в грубом красном кирпиче; листья были не ярко-зелёными, а какими-то тёмно-серыми — бог весть сколько лет они здесь росли.

Цэнь Сяо следовал за Ли Жуном, задумчиво глядя ему в спину. Тот шёл к посту охраны уверенно, ни разу не сбившись с пути в этом отдалённом месте, словно вся территория университета была ему до боли знакома.

Он ничего не сказал — лишь засунул руки в карманы и ускорил шаг, поравнявшись с юношей.

Солнце нещадно палило, вода в фонтане мелко дрожала под порывами ветра. Безымянные лепестки неловко кувыркались в пыли, а в густых кронах деревьев неумолчно перекликались птицы и насекомые.

Ли Жун остановился перед кирпичным домом и, помедлив мгновение, не оборачиваясь, произнёс:

— Родители приводили меня сюда в детстве. Кажется, ничего не изменилось.

Цэнь Сяо понимающе кивнул, а затем внезапно придержал его за руку.

— погоди секунду.

Не дав Ли Жуну опомниться, он обогнул здание охраны и нырнул за занавеску небольшого магазинчика. Вскоре юноша вернулся, вертя в руках пачку сигарет.

Ли Жун вскинул бровь и перевёл взгляд с сигарет на вывеску лавки. Территория Университета А была огромной, и велосипед здесь считался предметом первой необходимости. В таком масштабном кампусе была выстроена собственная независимая экосистема: свои больницы, спортзалы, парки, кофейни и даже элитные рестораны с театрами. Естественно, крошечные, неприметные магазинчики и газетные киоски были разбросаны повсюду, словно звёзды на небе. Если не знать кампус как свои пять пальцев, найти такой магазин с ходу было невозможно.

— Я тоже бывал здесь раньше с матерью, — невозмутимо пояснил Цэнь Сяо, возвращаясь к нему.

Юноша внимательно посмотрел ему в глаза. Помолчав с полминуты, он неопределённо усмехнулся:

— Вот оно что.

Мать Цэнь Сяо, Сяо Мужань, происходила из настоящей потомственной интеллигенции. Род Сяо можно было проследить на десятки поколений назад, а его основатель был прославленным литератором и каллиграфом, чьи работы до сих пор хранились в национальных музеях. Сяо Мужань выросла в атмосфере глубокого академизма, с юных лет зачитываясь историческими хрониками. Она не работала в Университете А на постоянной основе, но благодаря репутации своей семьи и личному таланту была приглашена в качестве почётного лектора. Она вела занятия лишь тогда, когда у неё было на то вдохновение.

Ли Жун сильно сомневался, что Сяо Мужань вообще знала, в какую сторону открывается дверь в университетской лавке. Впрочем... раз Цэнь Сяо так сказал, спорить он не стал.

Большинство сотрудников охраны были на патрулировании, поэтому в помещении осталось всего пара дежурных. Один из них, лениво щёлкая семечки и уткнувшись в телефон, мельком взглянул на вошедших.

— Велосипед регистрировать? — спросил он с кислым видом.

Ли Жун осмотрелся, не обнаружив на стенах никаких свежих объявлений.

— Я студент, зачисленный в этом году без экзаменов, — с вежливой улыбкой ответил он. — Пришёл осмотреться.

Дежурный перестал грызть семечки и отложил телефон, по-новому оценивая Ли Жуну. Студенты, прошедшие по программе «Выдающиеся таланты», были элитой, лучшими из лучших, и мужчина невольно проникся к юноше уважением.

— А, отличник, значит... Карт кампуса у меня нет, поищи кого-нибудь из старших курсов, у них там есть волонтерская организация, они проводят экскурсии.

Цэнь Сяо, улучив момент, непринуждённо пододвинул пачку сигарет к руке дежурного. Не давая тому опомниться, он сразу задал вопрос:

— Мы пока шли, слышали от старшекурсников, что в последнее время в университете зачастили кражи. Мой друг как раз собирается купить дорогой ноутбук и теперь немного переживает.

Собеседник для приличия хотел было оттолкнуть подарок, но юноша так ловко перевёл разговор на интересующую тему, что моментально лишил его возможности разыгрывать благородство. После этого его отношение к Ли Жуну и его спутнику стало куда более радушным.

— Да бросьте вы, студенты вечно всё преувеличивают! За последнее время был всего один случай, и тот быстро замяли. Мы уже провели несколько собраний, контроль теперь строжайший. Я по глазам вижу, кто наш студент, а кто — залётный.

Ли Жун усмехнулся, решив не напоминать о том, что минуту назад его самого приняли за обычного первокурсника.

— Говорят, воруют в основном посторонние?

Дежурный приподнялся со стула и через окно указал пальцем на улицу:

— Посмотрите сами — сколько тут шляется чужих! Наверняка найдётся парочка нечистых на руку. Студенты сейчас пошли денежные, но больно уж простодушные. Кого же ещё грабить, как не их?

Юноша проследил за его жестом, глядя на копошащуюся толпу на площади.

— А что именно пропало в тот раз? — как бы невзначай спросил он.

Мужчина на мгновение замялся. Ему показалось странным, что будущий студент, ещё даже не начавший учиться, так дотошно расспрашивает о старых кражах. Но, вспомнив о пачке сигарет в кармане, он решил ответить.

— Говорят, переносной жёсткий диск. Владелец вроде из тех, кто вечно в лабораториях пропадает. На диске были данные каких-то экспериментов для дипломной работы. Копий у парня не осталось, вот он и поднял шум — боялся, что не допустят к защите. Сам-то диск не так дорого стоит, тысячи две от силы.

Ли Жун нахмурился:

— Раз данные экспериментов, значит, с биохимического факультета?

— Да бог его знает, в Университете А профессий пруд пруди, я уже и не помню, — отмахнулся охранник.

Заметив нарастающее беспокойство Ли Жуна, Цэнь Сяо поспешил продолжить:

— Диплом — дело серьёзное. Хорошо, что вопрос быстро решили, иначе бедняге бы не поздоровилось.

— Да ничего мы не решили, — дежурный пренебрежительно скривился. — Есть одна подозреваемая, да только улики никаких. Вещица-то мелкая, сунул в карман и ищи свищи. А в компьютерном классе между столами перегородки высокие, камеры не всё видят — слепая зона, понимаете?

— И подозреваемая всё отрицает? — уточнил Цэнь Сяо.

Мужчина окинул его взглядом, в котором читалось: «Ну и наивный же ты ребёнок».

— Конечно отрицает! Раз не сняли сам момент кражи, с чего ей признаваться? Университет из-за этого взъёлся, на нас всех надавили. Мы за этот месяц уже столько собраний отсидели... Раньше по сменам дежурили, а теперь — того и гляди, заставят круглые сутки по кампусу круги нарезать. Спина уже не разгибается.

Цэнь Сяо положил руку на спину Ли Жуна, ободряюще сжав его. По крайней мере, теперь стало ясно: Сюй Танхуэй не арестована. Прямых доказательств её вины нет, а значит, дело, скорее всего, просто спустят на тормозах.

Однако Ли Жун не почувствовал облегчения. Напротив, он стал ещё мрачнее.

— Но если улики нет, может, она и не виновата вовсе?

— Да камеры проверили — в тот день в класс заходила только она одна из посторонних! — возмутился собеседник. — И ведь хитрая какая: где-то раздобыла карту университета. И не какую-то подделку из подземного перехода, а настоящую, рабочую. На вопрос, откуда взяла, молчит как партизан. Разве это не подозрительно? Точно она украла, просто внаглую отпирается. Пользуется тем, что студент наш — парень робкий, подробностей не помнит, вот полиция и разводит руками.

Ли Жун глубоко вздохнул. В груди разлилась тупая, тягучая боль.

Оказалось, что другие люди, подобно Цуй Минъяну, с лёгкостью выстраивают цепочку из совершенно не связанных факторов, чтобы вынести человеку приговор. Не нужно ни доказательств, ни объяснений — одного предубеждения достаточно, чтобы признать виновным.

И это предубеждение жило не только в голове дежурного. Оно отравляло мысли отличника Цуй Минъяна, нахватавшегося слухов, и его родителей — людей с положением и образованием.

Дипломы, богатство и власть создают вокруг человека ореол превосходства, но под этим сиянием скрываются всё те же обывательские души.

В детстве, когда Ли Жун только начал осознавать исключительный статус своих родителей, он и сам не был чужд тщеславию. Он мог с гордым видом рассказывать детям в садике:

— Моя мама — профессор в университете, и папа тоже профессор! Они написали столько статей, они невероятно умные! А скоро они будут работать в самом Исследовательском институте «Хунсо».

Однажды Гу Нун пришла забирать его и случайно услышала эту похвальбу. Она лишь слегка нахмурилась. Позже Ли Цинли позвал сына в кабинет и прочитал ему отрывок из «Сборника под балдахином»:

«Я полагаю, что если во дворце искусств существуют столь обременительные запреты, то лучше туда и вовсе не входить. Куда достойнее стоять посреди пустыни, созерцая летящий песок и камни: смеяться во весь голос от радости, кричать от горя и яростно браниться в гневе. И пусть песок иссечёт всё тело, пусть голова будет разбита в кровь — когда ты будешь касаться своих запекшихся ран, ты почувствуешь, что их узоры ничуть не хуже изысканных орнаментов».

Ли Жун тогда ничего не понял. Ли Цинли лишь рассмеялся; он не стал ругать сына или стыдить его за гордыню.

— Читай больше книг, — просто сказал отец. — Со временем поймёшь.

Но Гу Нун, протягивая сыну ломтик ароматного манго, произнесла своим нежным, как вода, голосом:

— Не страшно, если не понимаешь. Иногда лучше не знать вовсе.

<http://bllate.org/book/15351/1435264>